

Август Стриндберг
Кукольный дом

«ЭКСМО»

Стриндберг А. Ю.

Кукольный дом / А. Ю. Стриндберг — «Эксмо»,

«Они были женаты уже шесть лет, но казалось, обвенчались только вчера. Он служил капитаном во флоте и каждое лето отправлялся на два-три месяца в рейс. Два раза он уходил в длительное плавание. Короткие летние рейсы были весьма полезны – если во время зимнего ничегонеделания появлялись признаки застоя, такая летняя разлука проветривала и освежала их отношения. Первый рейс проходил трудно. Он писал пространные любовные письма жене и, встречая в море любое суденышко, тотчас же сигнализировал о необходимости отправки почты. И когда наконец показались шведские шхеры, он не мог найти себе места от нетерпения увидеть жену! И она об этом знала!...».

© Стриндберг А. Ю.
© Эксмо

Август Юхан Стриндберг

Кукольный дом

Они были женаты уже шесть лет, но казалось, обвенчались только вчера. Он служил капитаном во флоте и каждое лето отправлялся на два-три месяца в рейс. Два раза он ухаживал в длительное плавание. Короткие летние рейсы были весьма полезны – если во время зимнего ничегонеделания появлялись признаки застоя, такая летняя разлука проветривала и освежала их отношения. Первый рейс проходил трудно. Он писал пространные любовные письма жене и, встречая в море любое суденышко, тотчас же сигнализировал о необходимости отправки почты. И когда наконец показались шведские шхеры, он не мог найти себе места от нетерпения увидеть жену! И она об этом знала! В Ландсурте он получил телеграмму – она встретит его на Даларё. Когда они бросили якорь у Ютхольмена и капитан увидел голубой платочек на веранде постоянного двора, он понял – это она. Но сперва ему пришлось переделать множество дел на корабле, и на берег он сошел только к вечеру. Гичка мягко причаливает к пирсу, и капитан видит жену – такую же молодую, такую же красивую, такую же свежую – и как будто вновь переживает медовый месяц. Она сняла две комнатки на постоялом дворе, и – ах! – какой же замечательный ужин она приготовила! И так о многом им надо поговорить! О плавании, о малышах, о будущем! Искрится вино, раздаются звуки поцелуев, слышится вечерняя зоря с моря. Но его это не касается, он уйдет не раньше часа. Что? Ему надо уходить?

– Да, полагается ночевать на судне, но главное – явиться к побудке!

– Во сколько побудка?

– В пять утра!

– Фу, как рано!

– Ну, а где ты будешь сегодня спать?

– Этого ты не узнаешь!

Но он догадывается и хочет посмотреть, где она проведет ночь. Она загораживает дверь. Он целует ее, берет на руки, как ребенка, и открывает дверь.

– Ух, какая огромная кровать! Настоящий баркас! И где это они такую достали?

Боже, как она покраснела. Но ведь из его письма она поняла, что они поживут здесь, на постоялом дворе.

– Ну разумеется, поживем, хотя мне и нужно быть на борту к утренней побудке, этой чертовой утренней молитве, хоть бы ее совсем не было!

– Фу, как нехорошо ты говоришь!

– А сейчас мы выпьем кофе и разведем огонь в камине – простыни влажноватые! Ну, какая же ты умница, маленькая плутовка – догадалась раздобыть такую большую кровать! И где ты ее достала?

– И вовсе я ее нигде не доставала!

– Разумеется, нет. Как мне это в голову могло прийти!

– Ах, какой глупый!

– Глупый? – Он обнял ее за талию.

– Нет, нет, будь же благоразумен!

– Благоразумен! Легко сказать!

– Тс-с! Слышишь, служанка дрова несет!

Часы пробили два, шхеры и вода на востоке загорелись красным огнем, а они сидели у открытого окна. Точно любовники. А разве нет? И ему придется сейчас ее покинуть. Но он вернется в десять, к завтраку, а потом они поедут кататься на лодке. Он поставил на огонь свой походный кофейник, и они пили кофе под крики чаек, любясь восходом. В про-

ливе покачивалась на волнах канонерка, и он видел, как время от времени вспыхивает на солнце тесак вахтенного. Как трудно разлучаться, но как сладко сознавать, что скоро-скоро они вновь будут вместе. Он поцеловал ее в последний раз, пристегнул к поясу саблю и ушел. Капитан шагал по причалу, выкрикивая: «Эй там, на лодке!», а она спряталась за занавеску, словно стыдясь чего-то. Он посылал ей воздушные поцелуи, пока не подошла гичка с матросами. И наконец, последнее «спи сладко, увидь меня во сне», и уже на середине пролива, приложив к глазам бинокль, он увидел маленькую белую фигурку в ореоле черных волос на фоне темной комнаты, и солнце освещало ее рубашку и обнаженные плечи, и она была похожа на русалку!

Прозвучала побудка. Протяжные сигналы горна покатались по блестящей воде между зелеными островками, через ельники, через дороги. И «все наверх!», «Отче наш» и «Помоги мне, Боже, сие дело мною начинаемо». Колоколенка на Даларё ответила слабым перезвоном – было воскресное утро. Появились подгоняемые утренним бризом куттера, взметнулись флаги, захлопали выстрелы, на причале замелькали светлые летние платья, подошел, оставляя за собой рыжий шлейф воды, пароход с острова Утэн, рыбаки вытащили свои сети, и сверкали на солнце чуть колышущаяся синяя вода и зеленая суша.

В десять часов спустили гичку, и шесть пар весел понесли ее к берегу. И вот они опять вместе. Они завтракали в общем зале, а другие гости шепотом спрашивали: это его жена? Он говорил вполголоса, словно любовник, а она опускала глаза и улыбалась, иногда шлепая его салфеткой по пальцам.

Лодка качалась у причала – она сядет за руль, а он пусть управляется с фоком. Он не мог оторвать глаз от ее светлой, одетой по-летнему фигуры с высокой крепкой грудью, от ее решительного личика и уверенного взгляда, устремленного навстречу ветру, и руки, затянутой в перчатку из оленьей кожи, державшей шкот. Ему хотелось говорить и говорить, поэтому он порой мешкал с поворотами. И получал нагоняй, точно юнга, что доставляло ему несказанное удовольствие.

– Почему ты не взяла с собой малышку? – спросил он, чтобы поддразнить ее.

– А куда бы я, по-твоему, ее положила?

– В наш баркас, разумеется!

Она улыбнулась, и ему было так радостно видеть эту ее улыбку.

– Ну, что сказала хозяйка сегодня утром? – продолжал он.

– А что она могла сказать?

– Она хорошо спала ночью?

– А почему она должна была плохо спать?

– Не знаю, может, крысы грызли половицы или старое чердачное окошко скрипело всю ночь; откуда мне знать, что может потревожить сладкий сон старой мамзели.

– Если ты не замолчишь, я закреплю шкот и сброшу тебя в воду!

Они пристали к небольшому островку и пообедали припасами, уложенными в корзину; постреляли в цель из револьвера, потом закинули удочки, делая вид, будто на самом деле удят рыбу, но поклевки не было, и они вновь уселись в лодку. Они заходили в заливы, где резвились гаги, в пролив, где в камышах бились щуки, и опять устремлялись в открытое море, и ему не надоедало смотреть на нее, разговаривать с ней и, когда удавалось, целовать ее.

Так встречались они на Даларё шесть лет подряд и были всегда одинаково молоды, одинаково сумасбродны – и счастливы. Зимы они проводили в своих маленьких комнатах-каютах на Шеппсхольмене. Он строил парусные кораблики мальчикам или развлекал их рассказами о путешествиях в Китай и на острова Южных морей, и жена смеялась над его глупыми историями. У них была чудесная комната, не похожая ни на какую другую. Там висели японские зонтики от солнца и японские доспехи, миниатюрные пагоды из Ост-Индии

и австралийские луки и копья; африканские барабаны и высушенные летучие рыбы; трубки сахарного тростника и трубки для курения опия. И отец семейства, уже слегка облысевший, вовсе не стремился в море. Иногда он играл в шашки с аудитором или проводил вечера за «вирой» и стаканом грога. Когда-то жена тоже принимала участие в игре, но с появлением четверых детей времени на это у нее уже не хватало, и все-таки она охотно подсаживалась на минутку к играющим, заглядывая в карты, или подходила к мужу, который обнимал ее за талию и спрашивал, стоит ли ему брать прикуп с такими-то картами.

Однажды капитану предстояло уйти в плавание на своем корвете на целых полгода. Он ужасно переживал – дети выросли, и матери было довольно трудно одной справляться с такой большой командой. Да и капитан сам был уже не так молод и далеко не так жизнерадостен, как раньше, но служба есть служба, и он ушел в море. Уже из Крунборга он отправил первое письмо следующего содержания:

«Моя любимая топенанточка!

Ветер слабый, 3.3.0 до О., плюс 10 °С, 6 склянок, свободен от вахты. Не могу выразить, что я чувствую, находясь так далеко от тебя. Когда мы выбирали верп у Кастельхольмена (6.30 пополудни, при сильном Н. О. до О.), мне показалось, будто мне всадили пал под ребро, а через ушные клюзы пропустили якорную цепь. Говорят, у моряков есть способность предчувствовать несчастье. Об этом я ничего не знаю, но пребываю в ужасном беспокойстве, пока не получу от тебя первой весточки. На борту ничего не произошло, по той простой причине, что ничего и не может произойти. А как там у вас? Готовы ли новые сапоги Боба? Не жмут? Я, как ты знаешь, не мастак писать письма и потому кончаю. Крепко целую прямо в середину вот этого креста Х!

Твой старый Пал.

Р. S. Заведи себе компанию, небольшую (женскую, разумеется). И не забудь попросить мамзель на Даларё перетянуть большой баркас к моему приезду! (Ветер усиливается, к ночи будет норд!)»

В Портсмуте капитан получил от жены ответ.

«Дорогой мой Пал!

Здесь без тебя очень тоскливо, можешь мне верить. И нелегко было, потому что у Алис прорезался первый зуб. Доктор сказал, что необычайно рано, и это должно означать... (нет, этого ты не узнаешь!) Сапоги Бобу оказались как раз впору, он ими очень гордится. Ты в своем письме упомянул, чтобы я познакомилась с какой-нибудь женщиной. Это я уже сделала, или, вернее, она сама нашла меня. Ее зовут Оттилия Сандегрен, она окончила семинарию. Очень серьезная женщина, так что можешь не бояться, что она собьет с пути твою «топенанточку». И кроме того, она религиозная. Да, нам бы тоже не мешало быть построже в делах веры. Одним словом, она превосходная женщина. Кончаю писать – за мной пришла Оттилия. Она только что вошла и просит передать тебе привет, хотя вы и незнакомы.

Твоя Гурли».

Капитан был недоволен письмом. Слишком короткое и не такое бодрое, как всегда. Семинария, религиозная, серьезная, и Оттилия – два раза Оттилия! А потом Гурли! Почему не «Лапочка», как прежде! Гм!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.